

Дядя Сяо Цзинь отвел братьям отдельный кабинет. Место было на редкость удачным: из распахнутого окна открывался вид на реку Миншуй, пересекающую уезд.

На воде покачивались джонки; рыбаки в широкополых бамбуковых шляпах — доули — умело правили бамбуковыми шестами, а на кормах громоздились горы только что вытянутых сетей. По обоим берегам к самой кромке воды спускались гибкие ветви ив, а вдоль набережной теснились лотки уличных торговцев, предлагавших прохожим сладкую воду и масляные лепешки.

Редкие пешеходы лениво прогуливались по мостовой, то и дело раздавался мерный перестук копыт проезжающих экипажей. Можно было только представить, насколько живописным и шумным станет этот вид, когда наступит весна и зацветут прибрежные сады.

На круглом столе в центре комнаты уже ждали сладости. Тао Цинъюй опустил на стул, и малыши тут же облепили его, рассаживаясь по кругу. По всему было видно, что затея с устройством для перемешивания рыбного фарша принесла Дяде Сяо Цзиню немалую выгоду в глазах хозяина, иначе он не стал бы так щедро потчевать племянников в столь роскошном месте.

— Ну, чего бы вам хотелось отведать? — спросил юноша, оглядывая братьев.

— Мы не знаем... — вразнобой ответили младшие.

За всю свою недолгую жизнь дети бывали в уезде считанные разы, а уж о том, чтобы пообедать в настоящей таверне, и мечтать не смели. Тао Цинъюй вопросительно посмотрел на Циншу.

— Брат, заказывай ты, — коротко отозвался тот.

— Ну, только потом не жалуйтесь, если что-то придется не по вкусу.

Хоть их и угощал родственник, юноша понимал, что обед в подобном заведении влетит в копейку. Он старался выбирать вдумчиво, не желая окончательно опустошить кошелек Тао Цзиня. Едва заказ был сделан, посыльный плотно прикрыл за собой дверь.

Оставшись без присмотра посторонних, ребята наконец расслабились. С любопытством оглядев убранство кабинета, они в конце концов прикипели взглядами к тарелке со сладостями.

— Ешьте, раз хочется, — разрешил он.

Пирожные из слоеного теста были столь искусно выделаны, что напоминали лепестки

распускающегося лотоса, а внутри скрывалась нежная, тающая во рту начинка. Малыши брали по одной штучке, бережно придерживая крошки ладошками.

Вскоре подали горячее: на столе появились ароматный рис «Восемь сокровищ», запеченная утка, креветки в масле, нежное рыбное филе и тарелка свежих овощей. Этого с лихвой хватило бы на всю компанию.

Старший брат первым разложил всем рис и взял палочки — только тогда младшие принялись за еду. Угощение было отменным, и вскоре лица сорванцов заблестели от жира.

Он неторопливо очистил креветку и с наслаждением отправил её в рот.

«Вот это я понимаю — жизнь...»

За столом воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным стуком палочек: все были слишком заняты поглощением деликатесов.

Блюда пустели на глазах, но если присмотреться, в каждой тарелке оставалась ровно половина — к ней никто не притрагивался. Юноша глянул на младших, у которых к щекам прилипли рисинки, и довольно усмехнулся. Знают, что нужно оставить долю для тех, кто остался дома. Не зря он их воспитывал.

Когда первый голод был утолен и темп трапезы замедлился, дверь снова отворилась. Посыльный внес еще несколько блюд, а следом за ним вошел Тао Цзинь.

— Я же велел вам набивать животы до отвала, чего ради вы меня экономите? — добродушно проворчал он. — Вот, добавил еще немного, ешьте не спеша.

Тао Цинъюй улыбнулся:

— Дядя Сяо Цзинь, почему бы вам не присоединиться к нам?

Мужчина степенно погладил бородку, стараясь скрыть довольство за напускной озабоченностью:

— Дел невпроворот, хозяин и на шаг не отпускает.

— Дядя, — хмыкнул племянник, — вы бы хоть улыбку свою спрятали для приличия.

— Ха-ха-ха! Ну, я побежал, а вы угощайтесь на славу!

Стоило ему уйти, как дети воззрились на Цинъюя. На столе красовались новые яства: мясные тефтели «Львиная голова» и томленая баранина — столько им было ни за что не осилить.

— Ешьте! — махнул рукой юноша. — Сколько влезет, столько и ешьте. А что останется — заберем с собой.

Тао Цинъю, уже почти насытившись, сидел в обнимку с чашкой риса. Тщательно прожевав, он вдруг спросил:

— Юй-гээр, а как ты думаешь, Учитель Фан красивый?

Остальные братья замерли и разом вскинули головы. Цинъюй, оказавшись под прицелом четырех пар глаз, только растерянно моргнул.

— Красивый или нет? — настойчиво повторил Цинмяо.

В памяти Цинъюя мгновенно всплыл облик учителя: четкие линии бровей, глубокий взгляд, сияющий точно звезды в морозной ночи. Облик его был подобен чистому снегу и драгоценному нефриту — редкая красота, какую нечасто встретишь среди простых смертных.

— Красивый, что уж тут говорить, — честно признал Тао Цинъюй. Красота — вещь объективная, и отрицать её было бы глупо.

Цинъю, не выпуская чашки из рук, бочком подобрался поближе к старшему брату.

— Тогда, Юй-гээр, ты пойдешь за него?

Цинъюй легонько щелкнул его по лбу:

— Не пойду.

— Почему это? — Цинъю обиженно надул губы.

Брат легонько ткнул пальцем в его пухлую щечку:

— Просто не пойду, и всё тут. Ешь давай.

— Ну нет!

Малыш отставил чашку, решительно вскарабкался к юноше на колени и крепко обхватил его

за шею.

— Наелся? — Цинъюй обнял сорванца, ласково похлопав его по спине.

— Еще капельку осталось.

— Ну так доедай скорее.

— Юй-гээр, ну почему ты не хочешь за него идти?

Заметив, как остальные братья тоже подались вперед, наострив уши, Цинъюй невольно рассмеялся:

— Да он ведь и не звал меня в свой дом! Нельзя же соглашаться идти за каждого, кто пригож лицом. Так мне за полмира пришлось бы замуж выйти.

— Ну, это точно никуда не годится, — рассудительно заметил Цинцзя.

— А если он всё-таки позовет? — не унимался Цинъя, заглядывая брату в глаза.

Тао Цинъюй в шутку погрозил ему пальцем:

— И в кого ты такой упрямый уродился?

— В тебя! Ну скажи, брат, ну скажи-и...

Юноша легонько сжал его губы, отчего рожица малыша стала похожа на утиный клюв.

— Замуж за него не пойду, а вот если взять его в мужья — это можно.

— Гээр'ам не положено брать мужей, — рассудительно напомнил Цинмяо.

— Зато мужчина может войти в семью мужа на правах примака, — вставил свое слово Цинцзя.

Циншу, хранивший молчание на протяжении всего разговора, был немало удивлен. Когда Цинъюй исполнилось шестнадцать, свахи порог обивали, предлагая завидных женихов, но тот лишь воротил нос от каждого. Он не то что «в мужья взять» — он, завидев претендентов, бежал без оглядки.

И хоть сейчас брат явно шутил, Циншу почуял неладное: в глубине души Цинъюй, кажется, был совсем не прочь связать свою судьбу с этим человеком. Если так, то семье и беспокоиться не о чем.

Посмотрев на братьев, Циншу пришел к выводу: Цинъя сегодня же разболтает всё Сяо Саньшу. Интересно, как на такие новости отреагируют старшие?

Тао Цинъюй же, не придав значения детской болтовне, скормил Цинъе еще несколько ложек риса и отложил палочки. Стол всё еще ломился от яств. Он подозвал посыльного, велел упаковать остатки еды в корзины и повел братьев на выход.

— Наелись? — с улыбкой встретил их у конторки Тао Цзинь.

— Да, Дядя Сяо Цзинь. Мы, пожалуй, пойдем?

— Ступайте. И будьте осторожны в пути.

— Обязательно. Судки я занесу в следующий раз.

Они покидали город с полными корзинами. Перед самыми воротами Цинъюй купил братьям сахарные фигурки, о которых те грезили весь день. Досталось каждому, даже Циншу.

Дорога предстояла неблизкая, а с малышами пешком не нагуляешься, поэтому юноша решил не экономить. За одну медную монету с ребенка он договорился с погонщиком осла.

Когда повозка миновала городскую черту, Фан Вэньли, стоявший на балконе таверны «Линьшуй» в соседнем кабинете, наконец отвел взгляд. Он едва заметно усмехнулся.

«В свой дом взять?»

Что ж, если он того пожелает — почему бы и нет?

Фан Вэньли спустился в зал, неся в руках свертки. В них было всё необходимое для свадьбы. Кроме праздничного одеяния, которое еще шили мастера, всё остальное было уже готово. Теперь оставалось лишь дожидаться благоприятного дня и отправить сваху с официальным предложением.

Погруженный в мысли о выборе даты, он переступил порог своего дома и к немалому удивлению обнаружил во дворе Чжоу Линъи. Тот с самым беззаботным видом грелся на солнышке, неторопливо попивая чай.

— Чжоу Динсюэ! — окликнул его хозяин.

Динсюэ было вторым именем Чжоу Линъи.

— Наконец-то наш великий труженик вернулся! — проворчал гость, нехотя поворачивая голову. — Я тебя уже битый час дожидаясь.

— Есть дело?

— А разве мне нужен повод, чтобы заглянуть к другу?

Фан Вэньли не ответил, прошел в дом и аккуратно сложил покупки. Вернувшись во двор, он сменил официальный наряд на более удобный домашний халат и сел напротив друга. Даже в неофициальной обстановке учитель сохранял безупречную осанку. В своем просторном одеянии с широкими рукавами он выглядел на редкость благородно.

— Говори.

Чжоу Линъи выпрямился, и на его лице заиграла хитрая улыбка.

— Помоги мне. Стань моим сватом.

Учитель Фан недоуменно нахмурился.

— Ты просишь меня... быть сватом?

— А что тут такого? Мы с Чжу-гээр'ом сошлись только потому, что ты вечно таскал меня к Хозяину Сяо Юю за рыбой. Не будь этого, мы бы и не приметили друг друга.

— Вашу судьбу решили родители, я тут ни при чем.

— Если бы не те походы, А Чжу не отдал бы мне свое сердце так скоро. Тогда и помолвка была бы не в радость. У тебя сейчас всё равно дел нет, выручи друга, а? С меня причитается, не обижу.

Фан Вэньли на мгновение задумался.

— Когда?

Чжоу Линъи довольно хлопнул в ладоши и расплылся в улыбке. Он знал — стоит упомянуть Тао Цинъюя, и этот упрямец ни за что не откажет.

— Шестнадцатого числа двенадцатого месяца.

— Договорились.

Сват — фигура в деле женитьбы почетная и важная. И хоть Фан Вэньли был молод, его статус учителя Академии придавал его словам нужный вес. Раз уж он согласился, следовало подойти к делу со всей серьезностью. Он решил тщательно подготовиться — заодно посмотрит, как проходят помолвки у других. В его доме не было старших, кто мог бы наставить его, так что приходилось постигать всё самому.

Тем временем семья Тао благополучно добралась до дома. Едва они переступили порог, как им навстречу вышла Сун Хуань.

— Юй-гээр, ты опять балуешь их сладостями? — спросила она, безошибочно учуяв тонкий аромат сахара.

Цинъюй виновато коснулся кончика носа:

— Ну, разок-то можно. Ах да! Я купил всем по отрезу ткани. Будьте добры, Вторая тётушка, Сяо Саньшу, помогите сшить из неё наряды.

Всучив корзину с тканью в руки онемевшей от удивления Сун Хуань, юноша пулей скрылся в своей комнате.

— Зачем ты деньги тратил! — крикнула она ему вслед. — У тебя и так сбережений кот наплакал, на что жить-то будешь, когда всё спустишь?

Ян Цюэ подошел поближе, с любопытством заглядывая в корзину.

— Это же хлопок... — прошептал он, ощупывая мягкую ткань. — Юй-гээр и впрямь ничего не жалеет для братьев.

— Послушай его, — хмыкнула Сун Хуань, — так и сквозит завистью.

— Когда разбогатею, обязательно и Сяо Саньшу подарками завалю! — донесся из комнаты голос Цинъюя.

Ян Цюэ невольно улыбнулся:

— Мастер ты зубы заговаривать. Ткань-то какая добрая, прокрашена на совесть. Такое полотно не меньше сотни монет за чи затынет. Это ж сколько он серебра выложил...

— Ладно вам, — вмешался в разговор Фан У, привлеченный шумом. — Купил — значит, от сердца. Забирайте ткань да шейте скорее, чтобы к Новому году у детей обновы были.

Ян Цюэ ласково погладил близнецов по головам:

— Ну что, поблагодарили старшего брата?

— Да!

— Вот и молодцы. Сяо Саньшу сошьет вам такие наряды — загляденье будет.

В каждой семье дети — главная радость, и обновки для них всегда праздник для родителей. Сун Хуань и Ян Цюэ, воодушевленные, отправились в дом приступать к работе. Фан У же, немного помедлив, заглянул в комнату к Цинъюю.

— Младший папочка.

— Где это ты, разбойник, клад нашел?

— У Дяди Сяо Цзиня, — ответил Цинъюй. Он достал свой ларец для денег и выложил на стол десять лянов серебра. — Вот, возьмите. Пусть у вас побудет.

— Оставь себе, — покачал головой Фан У. — С чего вдруг такая щедрость? Какую еще каверзу ты своему дяде подстроил?

Тао Цинъюй насильно вложил серебро в его руку:

— И вовсе не каверзу, а дельное предложение. Возьмите деньги, мало ли что случится — на черный день пригодятся. У меня еще осталось.

Взгляд Фан У смягчился.

— Хорошо, поберегу для тебя.

— Дядя Сяо Цзинь еще и обедом нас накормил, — продолжал Цинъюй. — Я там кое-что из еды с собой прихватил, так что сегодня на ужин будет пир горой.

— Уже видел, — Младший папочка легонько коснулся кончика его носа.

Юноша прильнул к плечу отца:

— Младший папочка, я ведь уже не маленький.

Фан У обнял его, как в детстве, мерно поглаживая по спине.

— Для родителей дети всегда остаются маленькими. Главное, в опасные дела не лезь. Понял меня?

— Не беспокойтесь, я своей жизнью дорожу.

При слове «жизнь» Цинъюй невольно вспомнил о соседях из семьи Ю. Он резко выпрямился и спросил:

— Младший папочка, а те, что за забором... они еще не вернулись?

— Нет. Как бы ни были они бесстыдны, должно пройти время, прежде чем они осмелятся показаться в деревне.

<http://bllate.org/book/15858/1441885>